

Хитаги Сэндзёгахара находилась в нашем классе на особом положении по, скажем так, состоянию здоровья. Она никогда, будто так и надо, не занималась на уроках по физвоспитанию, а на утренних летучках (и вообще на любых летучках, когда все ученики выстраивались рядами на спортплощадке) только ей одной учителя разрешали сесть где-нибудь в тени и переждать собрание, чтобы не провоцировать у нее то ли анемию, то ли еще что-то такое. Мы с Сэндзёгахарой все время учились вместе — и в десятом, и в одиннадцатом, и теперь в двенадцатом классе, — однако я еще ни разу за всю старшую школу не видел ее за делом, чтобы она где-либо участвовала, что-то мастерила, куда-то бежала или с кем-то играла. Сэндзёгахара была завсегдаем у школьной медсестры, часто опаздывала на уроки или уходила раньше, а то и вовсе не появлялась в школе, потому что ей надо было срочно на прием в семейную клинику. Иногда насчет нее даже в шутку шептались, что она чуть ли не живет в этой самой клинике — настолько часто она отпрашивалась.

Вообще, Сэндзёгахара, пускай сильно болела, на вид была совершенно здорова. Может, только выглядела очень хрупкой: так посмотришь на нее, и кажется, что, если дотронешься, обязательно что-нибудь сломаешь. Такой тонкой и ранимой она всем представлялась. Наверно, поэтому некоторые из наших парней полушутя-полусерьезно называли ее между собой принцессой благородных кровей. Подходящее прозвище, как мне кажется. Да, на мой взгляд, Сэндзёгахара производила впечатление какой-то благородной принцессы, к которой лишний раз не подойди и пальцем не тронь.

Она всегда забивалась в угол класса и сидела там одна с книгой в руках. Иногда читала с виду внушительные тома в твердом переплете, иногда — комиксы с такими дебильными рисунками на обложках, что только по ним ясно, какое это тупое и вредное для мозгов чтиво. По-видимому, она поглощала все подряд, без разбора. Может, ей вообще было все равно, что читать, лишь бы что-то с буквами, а может, наоборот, у нее имелись какие-то определенные взгляды на литературу.

Сэндзёгахара, очевидно, была не короткого ума: всегда находилась в числе первых по успеваемости на нашем потоке. В списках, какие вывешивали после контрольных, среди первых десяти учеников обязательно значилось имя Хитаги Сэндзёгахары. И так по всем предметам.

У нас с ней явно по-разному устроены мозги, хотя, конечно, я много на себя беру, когда сравниваю нас: если

она могла написать на отлично любую контрольную, то я без труда сдавал только математику.

Ни разу не видел, чтобы она с кем-то дружила.

Реально, вообще ни с кем.

Никогда не замечал, чтобы Сэндзёгахара пыталась перекинуться хоть парой слов с кем-нибудь из школы. Она же вечно читала книгу, и с ней в руках весь образ Сэндзёгахары так и говорил: «Не подходи». Но если совсем придирааться, можно даже представить, что она нарочно бралась за книгу, чтобы так возвести между собой и другими стену. Мы с ней сидели за соседними партами чуть больше двух лет, но за все время я так и не заговорил с ней — это помню отчетливо. Хотя ничто не мешало заговорить. И та же память подсказывает, что голос Сэндзёгахары всегда был слабым, едва различимым, а все, что она бросала учителю каждый раз, когда ее спрашивали на уроке, было короткое «не знаю», в котором сквозило явное недовольство. При этом Сэндзёгахара отвечала «не знаю» независимо от того, знала ли на самом деле ответ.

Обычно в школах все по-странному кучкуются, и ученики без друзей образуют свой отдельный мирок (или «загон») вместе с другими такими же одиночками (честно говоря, вплоть до нового учебного года я тоже был таким одиночкой), однако все эти правила не работали с Сэндзёгахарой. Конечно, не потому, что над ней издевались. Насколько я мог судить, ее не обижали и не игнорили ни жестко, ни так, в шутку. Сэндзёгахара просто

всегда сидела в углу класса, будто там ей самое место, и читала свои книги. Читала и молчаливо возводила между собой и другими невидимую стену.

Будто там ей самое место.

Будто ей не место с нами.

Ну, с другой стороны, в этом нет ничего особенного. В старшей школе мы учимся по три года, и в нашей насчитывается двести учеников на одном только потоке. А если учесть еще всех с десятого по двенадцатый класс, а также учителей, то набегает примерно тысяча — вот сколько людей делят одно жилое пространство. Но стоит только задуматься, а кто из этой тысячи хоть что-то для тебя значит, и ты неизбежно придешь к ответу, который очень разочарует.

Как известно, каждый год учеников в классах тасуют, однако мы с Сэндзёгахарой по странному совпадению уже трижды оказывались в одном классе, впрочем, все равно за это время ни словом друг с другом не перекинулись, хотя как раз об этом я не жалел. И, пожалуй, потом просто бы вспомнил об этой случайности в духе: «Да-а... вот как оно бывает...» Я не знал, что случится со мной через год, но считал, что, окончив школу, довольно быстро забуду лицо Сэндзёгахары. И, как бы ни пытался, не смогу вспомнить.

Но это ничего. Сэндзёгахара тоже вряд ли расстроится. И не только она, но и все в школе: никто бы не цеплялся за память о случайном ученике. Зачем переживать, что не можешь кого-то вспомнить? Надо просто

забыть и идти дальше, и это будет по-настоящему правильно.

Я правда так думал.

А потом...

В какой-то из дней...

Если точнее, все случилось 8 мая, уже после весенних каникул (во время которых я пережил то ли злую шутку, то ли сущий ад, то ли все вместе) и после Золотой недели, которая превратилась для меня в кошмар наяву.

В тот день я, как обычно, опаздывал на урок, мчался вверх по лестнице и только выбежал на лестничную площадку, как на меня с неба упала девушка.

А именно Хитаги Сэндзёгахара.

Опять же, если точнее, то упала она, в общем-то, не с неба, а оступилась на лестнице и повалилась назад... Я мог бы отойти в сторону, однако машинально подставил руки и поймал ее.

И лучше бы, честно говоря, отошел.

Хотя нет: тогда бы я совершил большую ошибку.

Потому что...

...когда поймал Хитаги Сэндзёгахару, я ничего... ничего не ощутил в руках. Она была до страшного и по-странному жутко легкой.

Будто бы ее не было в нашем мире — только образ.

Да.

Сэндзёгахара, можно сказать, не весила ровным счетом ничего.

— Сэндзёгахара? — переспросила Ханэкава после моего вопроса и склонила голову в удивлении. — А к чему ты о ней спрашиваешь?

— Да так... — ушел я от прямого ответа. — Просто... задумался что-то.

— М-м?

— В смысле... об имени. Хитаги Сэндзёгахара... Странно и забавно звучит, не думаешь?

— Сэндзёгахара, вообще-то, топоним. И что тут такого?

— А... а-а, да нет, я не о фамилии, а только об имени говорю.

— Так это имя Хитаги, по-твоему, странное? Не сказала бы... Кажется, это термин из области инженерно-строительных работ.

— Вижу, ты все у нас знаешь...

— Я знаю не все. Только то, что знаю. — Ханэкава, казалось, не клюнула на мой уклончивый ответ, однако допытываться не стала и вместо этого заметила: — Надо

же, Арараги... чтобы ты — и вдруг задумался о ком-то другом? Редкий случай.

«Да ладно тебе, вот прицепилась», — мысленно съязвил я.

Цубаса Ханэкава.

Староста нашего класса.

К тому же она и выглядит как настоящая староста: тщательно заплетает косы, носит очки, придерживается школьных правил, ведет себя прилично, до жути прилежно относится к учебе и ходит в любимицах у учителей... в общем, таких, как она, в самый раз заносить в Красную книгу, и даже из манги и аниме в последнее время стал выветриваться этот образ. Все в характере Ханэкавы и в ее виде говорит о том, что она будто бы была старостой всю свою жизнь и после школы останется верна себе и возьмется вести дела какого-нибудь коллектива. Короче говоря, она — первая староста среди старост. Некоторые, ослепленные верой в это, шептались за ее спиной, что сами боги велели ей быть старостой. «Некоторые» — это я один.

В десятом и одиннадцатом мы с ней учились в разных классах, и только в двенадцатом нас записали в один. Но я слышал о Ханэкаве еще задолго до того, как мы пересеклись. И неудивительно: если Сэндзёгахара входила в десятку лучших по успеваемости на потоке, то Цубаса Ханэкава занимала во всех списках первое место. Она без надрыва творила нечто невообразимое: набирала высший балл — шестьсот из шестисот — в шести экза-

менах по пяти основным предметам. Да-да, и я до сих пор отчетливо помню, как в конце первого триместра одиннадцатого класса по итогам всех контрольных, в том числе по физвоспитанию и еще по ИЗО, она допустила всего одну ошибку в тесте по истории Японии, где в задании надо было заполнить пробел. О таких знаменитостях хочешь не хочешь, а все равно узнаешь.

И что самое поганое...

Ну ладно, признаю, это положительная черта, но все равно бесит... Короче, она очень заботливая и хорошая девушка. Самое поганое — это то, что Ханэкава, если говорить прямо, слишком упертый человек. У таких излишне старательных людей часто есть один минус: если они что-то вбили себе в голову, то все, и с места не сдвинешь. На весенних каникулах мы несколько раз встречались с Ханэкавой, а когда перешли в двенадцатый и она узнала, что мы будем в одном классе, сразу же объявила: «Я дам тебе новую жизнь».

Не сказать, что я был каким-то хулиганом или трудно обучаемым... просто сидел в классе как памятник (на мой взгляд, все было именно так), и тут Ханэкава заявляет про «новую жизнь». Ну просто гром среди ясного неба! Причем я несколько раз пытался ее отговорить, но все бесполезно, она уже навоображала всякого и вбила себе в голову, что именно надо сделать, и я сам не успел понять, как стал замстаросты. Поэтому в тот день, 8 мая, то есть после всех занятий, мы с Ханэкавой сидели вдвоем в классе и размышляли, как провести

культурный фестиваль, который должен был состояться в середине июня.

— Фестиваль — это, конечно, хорошо, но мы учимся в выпускном классе, так что все веселье уходит на второй план. Нам лучше готовиться к экзаменам, — заключила Ханэкава.

Она безо всяких сомнений задвинула культурный фестиваль и предпочла готовиться к экзаменам — вот это и делало ее, по моему мнению, первой старостой среди старост.

— Нет смысла пускать чистый лист по классу, чтобы каждый писал, чего хочет, — единого мнения не будет, и только время потеряем, — продолжала она, — поэтому предлагаю нам с тобой заранее определиться с несколькими темами на фестиваль и устроить в классе голосование, чтобы выбирали уже из готового. Как считаешь?

— По-моему, отлично. С таким налетом демократии.

— Вот вечно как скажешь... Все тебе надо исковеркать.

— Да я без задней мысли. Я тебе кто, Тонгари, чтобы все коверкать?

— Скажи, а в прошлом и позапрошлом году (это я так, для справки) что у тебя в классе готовили к фестивалю?

— Дом с привидениями и кафе.

— Типичный выбор. Донельзя типичный. Можно сказать, заурядный.

— Есть такое.